

Владимир Викторович Макаренков родился в 1960 году в городе Смоленске. Окончил Московский энергетический институт. Служил в армии, работал на смоленских предприятиях, затем — в системе УФСИН России. В настоящее время редактор дивизионной газеты. Полковник внутренней службы в отставке. Публиковался в столичных и региональных журналах, альманахах, еженедельнике «Литературная Россия». Автор восьми поэтических книг. Председатель Смоленского отделения Союза российских писателей. Лауреат литературных премий им. А.Т. Твардовского, М.В. Исаковского, Н.И. Рыленкова, отмечен многими другими литературными и ведомственными наградами.

Владимир Макаренков

В ЭТУ ВЕСНУ

* * *

Отшумели, отпели метели,
и рассыпались снежные сны.
В нашу местность грачи прилетели,
зачернели, как ноты весны.

И, читая ее партитуру,
встрепенулась природа окрест,
все живое, срывая цезуру,
зазвучало, как дружный оркестр.

Снова в сад, как на божью дорогу,
поглощенную синью вдали,
выхожу с благодарностью к Богу
за воскресшие звуки земли.

Мне милы хоровое гуденье
мировых ветровых колесниц,
щебетанье и сольное пенье
разлетающихся радостных птиц.

Как и розовый взгляд, слух мой розов,
Приспособлен под ноты грачей —
слышу я под корою березок
животворно поющий ручей.

Все звучит; и набухшие почки,
И проклюнувшиеся ростки.
И бурлят водосточные бочки,
отрешившись от зимней тоски.

Счастье жизни, весеннее счастье.
Я гляжу, я дышу, я живу...

Вдруг сознание рвется на части,
тучи черные рвут синеву.

С Украины плывут молчаливо,
тронешь взглядом — ответят дождем.
Мир условен, и если все мило
в жизни здесь, там — объято огнем.

Вот так мука, вселенская мука!
Как счастливым сегодня усну?
В наполнении каждого звука
горечь слышится в эту весну.

* * *

Ой, как яблони неистово цветут!
Ой, как спорится у скворушек забота
о птенцах!
Ой, как соловушки поют!
Ой, как жить в родной сторонушке охота!

Манит сад, пестрят цветущие цветы;
одуванчики, тюльпаны, незабудки...
В божьем мире столько дивной красоты,
только нужно быть немного сердцем чутким.

Не печалься, друг, в прозрачный майский день.
Все в природе и едино, и уместно.
Скоро-скоро расцветет в саду сирень,
подошли кусты соцветьями, как тесто.

Встанем поутру, пойдем траву косить,
ароматы мая сладостно вдыхая.
Разве можно нашу землю не любить?
Жить и жить бы, никогда не умирая.

СЕГОДНЯ ЗАПРОСТО СОЙТИ С УМА

Сегодня запросто сойти с ума,
с позиции весны на мир взирая.
В разгаре Украинская война,
и может грянуть третья мировая.

Весенних птиц не слышно, только гром
в сверканье раскаленного эфира.
Две половины мира бьются лбом,
и в мире больше нет иллюзий мира.

А между тем тихонько сходит снег,
проходит заморозка зимней боли.
Земля с испугом смотрит: «Человек,
я так устала от пролитья крови».

На посевную сходятся враги,
Надев броню, как смертные наряды.
И вспахивают землю не плуги,
А бешеные мины и снаряды.

* * *

Я ночью воевал во сне;
окопы рыл, катился с кручи,
полз по-пластунски вдоль колючки,
бежал и плавился в огне.
Когда нацеленное дуло
увидел я перед собой,
не испугался, лишь мелькнуло
в сознание: «Что там за чертой?»

Не слышал выстрела, как будто
в меня и не стрелял никто.
Сияло солнечное утро,
В руке дрожал живой цветок.
Ты шла по скошенному лугу,
росу сбивая на тропе.
Невольно подчиняясь стуку
в груди, я ринулся к тебе.

Я говорил, кричал... я плакал,
а ты все мимо шла и шла...
И осознал я, что атака
любовная теперь смешна,
что прогремел смертельный выстрел,
что странно быть еще мертвей,
что мир меня из жизни вычел,
как единицу без полей.

Нелепый сон, ведь мы достойны
земного счастья для двоих...

Пусть будут прокляты все войны
И те, кто разжигает их.

* * *

Божьего простого человека,
помолившись в храме у креста,
я спросил: «Чего нам ждать от века?»
Он ответил: «Что ни век — вражда.

Не дружи с иллюзией, что мир
может жить без войн и революций:
воины для битв всегда найдутся
и жрецы, которым мир не мил.
Что ни век, то сатана — как грушу,
сотрясает человечью жизнь.
Видел, как молился ты за душу.
Так же за Россию помолись».

В ПАСХАЛЬНЫЙ ДЕНЬ

Дождь с утра и солнышко с обеда,
словно радость после горьких слез.
Что ж односторонняя беседа
о больном, насущном и всерьез
не приносит умиротворенья?
Убивать людей — великий грех.
Почему тогда грехопадение
признается нами не для всех?
Почему людей стреляют люди?
Почему убитого в бою,
отпевая, батюшка не судит,
молит о спасении в раю?
Бог простит, а как простит убитый
клятого убийцу?
Кто же мне
объяснит, ведь по-земному квиты
лишь враги, лежащие в земле?
Дождь с утра и солнышко с обеда,
словно радость после горьких слез.
День пасхальный, а грустна беседа
с Господом, хоть и воскрес Христос.

* * *

Облака висят на нитях света,
солнце, одуванчиковый мед
распыляет ветер, вот и лето
подпеваает маю у ворот.

В гуще коронованной сирени
серый деревенский воробей
бойко прочирикивает трели,
те, что ночью выдал соловей.

А в итоге песенка выходит —
чим-чирим — простая, да своя.
Если днями слушать, то изводит
душу серенада воробья.

Будь добрее, привыкай, не цыкай
на певца, уединяясь в тиши.
Пой свое, воробушек, чирикай!
Песни все в природе хороши.

* * *

Дни стозвонным солнцем отзвенели,
на исходе летняя пора;
золотые яблоки поспели,
закачались, как колокола.

Лето молчаливо обернулось,
глянуло с надеждой в синеву,
шаг назад ступило и — споткнулось,
покатилось яблоком в траву.

* * *

У собора на краю обрыва —
ясней зеленая стена.
Над собором — завитки курсива:
облачных раздумий письмена,
куполов сургучные печати...
Словно келья, весь соборный двор.
Православный, ты — небес читатель,
ты монах наземный с вышних гор.

Колокол ударит с колокольни —
книжная закладка — полчаса.
Вздвогнет Одигитрия в ладонях
Мономаха, глядя в небеса.
На душе и в мыслях нету сора,
Будто жизнь не была по зубам.
На дворе Успенского собора
Время потеряло счет годам.

Вечность написала эту книгу
для того, кто с ней не верит в смерть,
кто судьбы коварную интригу
через веру смог преодолеть,
кто приходит Богу повиниться
искренне, как малое дитя,
чья душа, как птица на странице
сохранится в книге бытия.